

Рубрика ДЕТИ ВОЙНЫ: В год 70-летия Победы советского народа над фашистской Германией редакция газеты публикует воспоминания и очерки «детей войны». О надеждах и разочарованиях, трудностях и свершениях поколения, испытавшего на себе войну и годы послевоенного восстановления. Чтобы люди помнили и не забывали свою историю...

Антон ШМИГУН

ВОЙНА В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мой отец проснулся 9 Мая, очень тщательно брился, пиджак надевал, поправлял на груди ордена и медали и садился за стол. И войну вспоминал...

Именно таким я чаще всего вспоминаю своего отца - ветерана Великой Отечественной войны.

...Я впервые увидел его в начале 1946 года, когда он, после долгого пребывания в разных госпиталях, вернулся домой, к своей семье, где его ждали жена и четверо детей. Мне, младшему, тогда шёл третий год...

В хату (мы тогда жили на Украине) вбежал мой старший брат, что-то прокричал, и мама, как была в домашнем халате, выбежала вслед за Иваном. Я быстро оделся, выскочил за дверь и увидел: посреди двора стоял высокий дяденька в длинной шинели, а на нём повисли мама и мой брат. Мне стало страшно, и я заплакал. Все трое бросились ко мне, «дяденька» взял меня на руки и понёс в дом.

А потом всей семьёй мы сидели за столом. Я - на коленях у «дяденьки». С трудом начиная понимать, что это - мой папа, я никак не решался назвать его этим заветным именем. А он, развязав свой заплечный солдатский мешок, как волшебник, доставал из него всякие, никогда не виданные мною, подарки и гостинцы.

Радовались все: родственники, соседи, друзья нашей семьи, вся деревня. Ещё бы! С войны вернулся ещё один мужчина! А в послевоенной деревне более 80 процентов семей остались без взрослых мужчин в доме. У моего отца было четверо братьев. Все они воевали. Вернулись с войны двое - старший (мой отец) и младший (дядя Андрей). Отец всю жизнь проработал в сельском хозяйстве, а дядя Андрей некоторое время после войны служил в Германии, а потом был переведён на Сахалин. Там он без отрыва от службы закончил Южно-Сахалинский педагогический институт и всю жизнь проработал на учительском поприще.

Я с любовью и некоторым страхом посматривал на отца: глубокие шрамы на лице и большая впадина на месте правого глаза приводили меня в смятение...

Через несколько дней, несмотря на своё состояние (инвалид первой группы!), отец отправился в колхозную контору.

- Стосковался по работе, - говорил он. - Хочется вместо оружия держать в руках рабочий инвентарь.

В свои неполные три года я не понимал, что это значит.

Зато мой старший брат с гордостью объяснял мне, какой у нас замечательный отец. А тогда я мечтал о том, чтобы отец подольше оставался дома...

Отец был неплохим специалистом в сельском хозяйстве. Он, бывало, говаривал:

- У меня мало-мало есть грамотёшки: я закончил агрономические курсы, зоотехнические курсы, землемерские курсы и годичную сельскохозяйственную школу.

Вероятно, в силу этого обстоятельства его часто переводили с одного рабочего места на другое. А старший брат продолжал внушать мне:

- Видишь, какой у нас отец незаменимый! Его переводят на самые трудные участки, туда, где другие не справляются.

Работая в разных должностях (полевод, животновод, маслобойщик, весовщик, учётчик и др.), отец постоянно выполнял общественные нагрузки. Он был то депутатом, то председателем ревизионной комиссии, а позднее - председателем Совета ветеранов ВОВ... В связи с этим он часто ездил в районный центр. Мы с нетерпением ждали его возвращения: он всегда приезжал с гостинцами для нас в виде карамелек и халвы, и при этом непременно привозил книги. В деревне он считался грамотеем - три класса церковно-приходской школы! Надо сказать, что мой отец был способным человеком. Он легко складывал и вычитал в уме трёхзначные числа, вычислял проценты и средние величины, любил решать сложные задачи и головоломки. И при этом он был большой книголюб. Обладая незаурядной памятью, он запросто мог прочитать наизусть «Бородино» М. Лермонтова, читал отрывки из поэмы А. Пушкина «Руслан и Людмила», хорошо знал творчество И. Крылова, И. Некрасова, Н. Гоголя, Т. Шевченко, И. Франко, С. Руданского и других. Но в силу большой занятости он постоянно ощущал дефицит свободного времени. А приобретённые в райцентре книги мы читали вечерами по очереди: старший брат, две сестры и я (читать я научился в пять лет).

Отец рано ложился спать. И вставал очень рано. Лёжа в постели, он говорил:

- Ну, Иван, начинай.

У Ивана была хорошая дикция. Он читал, не торопясь, с выражением, чётко выговаривая слова. Книга переходила из рук в руки, и, наконец, отец говорил:

- Дайте малому!

Прочитав два-три абзаца, передавал книгу брату, и всё шло по новому кругу. Читали мы и русских, и украинских авторов. Отец изредка поправлял нас. И так было почти каждый вечер.

Наша семья считалась «зажиточной»: мы были обладателями керосиновой лампы, что по тем временам считалось роскошью. Лампа была подвешена к потолку, и стол хорошо освещался.

Со временем к нам стали напрашиваться соседи (в качестве слушателей), и наш дом превратился в своеобразную избу-читальню.

Я уже учился в третьем классе, когда в нашей жизни произошла резкая перемена. Вернувшись из очередной поездки в райцентр, отец то ли спросил, то ли заявил:

- Ну, шо, маты, пойдэмо на Сибирь?!

Мама в ответ лишь пожалала плечами. Зато мы от такого заявления были в восторге.

Тогда газеты изобиловали материалами об освоении Восточной Сибири. Об этом говорили в каждой семье, в каждой бригаде - везде, где оказывалось хотя бы два человека, завязывался разговор о Сибири!

Занятия в школе начинались рано. В класс вошла учительница и плачущим голосом объявила нам о невосполнимой утрате, постигшей нашу страну: умер Сталин. Вслед за учительницей все дети заплакали. А я не плакал. Не потому, что мне было не

жаль нашего «вождя и учителя». Просто я жил в предощущении того, что скоро не только увижу поезд, но и поеду на этом железном чуде!

Уезжали мы 9 марта 1953 года, в день похорон Сталина. На выезде из деревни нам устроили проводы, высказывали сожаления по поводу нашего отъезда, давали много наказов и пожеланий. Но мы с младшим братом были уже «в другом измерении».

Ехали мы в товарняке, четыре семьи в одном вагоне. В дороге мы провели восемнадцать суток! И вот, наконец, мы на месте. Выгружались на станции «Ангара» (ныне – Усолье-Сибирское). На грузовиках нас привезли в село Хайта, перегрузили на сани и повезли в маленькую деревушку Кулаково на правом берегу реки Белая. Мы впервые увидели по одной лошади в каждой упряжке (раньше видели в упряжке пару лошадей). Дорога тянулась густым заснеженным лесом - всё было в новинку: и лес, и глубокий снег, и река, и деревянные избы. Но самое главное было впереди.

Когда мы въехали во двор предназначенного нам жилья, дверь распахнулась и на крыльце появились нарядно одетые женщины. Они встречали нас хлебом-солью! А когда мы вошли в избу, то увидели большой стол, уставленный разными блюдами. В центре стола красовался ярко начищенный самовар (увиденный впервые!). Нас приглашали «откушать» с дороги. Мы были ошеломлены таким радушным приёмом. Нас угощали всякими салатами, солёными груздями, мясистыми горячими пельменями, байкальским омулем... Такого мы отродясь не едали!

Не буду утомлять читателей рассказом о том, как мы обживались на новом месте. Никаких проблем не было. Соседи были нам как родственники: помогали и советом, и делом. Правда, со мной бывали забавные случаи, когда я в разговоре иногда вставлял украинское словечко. Сверстники хохотали надо мной, беззлобно называли «хохлому», но буквально через неделю забыли это словечко.

В школу ходили в соседнюю деревню на левом берегу Белой. Учительница предлагала моему отцу, чтобы я прошёл повторно программу второго класса в связи с переходом на другой язык. Но отец заверил её, что всё будет в порядке. Так оно и случилось. Старшего брата отправили в посёлок Мишелёвка, где функционировала средняя школа. Старшие сёстры ещё на Украине закончили семилетку и пошли работать. Младшие начинали учёбу уже в Сибири. В связи с этим отец поехал в районный центр и добился переезда на другое место жительства. Там-то мы и заканчивали Половинскую среднюю железнодорожную школу. Теперь Сибирь стала нашей родиной. Все мы (пять братьев и три сестры!) прижились и обосновались в Иркутской области.

Некоторые переселенцы через какое-то время возвращались назад. Когда заводили разговор об этом с нашим отцом, он отрицательно качал головой и говорил:

- Ни за что и никогда! Я здесь по-настоящему почувствовал себя человеком, оказавшись вдали от тех жутких мест, где проходила война. Везде развалины, пепелища, огневые точки, а главное - скорбные лица людей, понесших невосполнимые утраты. Это выбивало из колеи. Война до сих пор живёт во мне, но зато внешне ничто и никто (за редким случаем) не напоминает о ней, проклятущей.

Из рассказов отца помню, что он, будучи в составе пехотной дивизии, участвовал в освобождении Польши и Чехословакии, а закончилась его фронтовая эпопея на территории Германии ровно за месяц до Победы - 9 апреля 1945 года. После страшного ранения в голову он почти год находился на излечении в госпиталях.

Отец был хорошим стрелком и одно время воевал в составе снайперской роты. Своё мастерство в стрельбе он иногда демонстрировал молодёжи.

Как-то наши деревенские парни раздобыли где-то мелкокалиберную винтовку и устроили соревнования по стрельбе. Отец случайно оказался возле них и стал наблюдать за действиями молодых стрелков. Кто-то предложил ему показать своё умение. Спросил, сколько патронов ему выделить. Отец сказал:

- Сколько не жалко!

- С пяти патронов сможешь поразить цель?

- На фронте такой роскоши не было. Давай один патрон!

Парень хмыкнул. Они истратили почти целую коробку патронов, а мишень (стеклянная бутылка, повёрнутая доньшком к стрелкам) оставалась целой.

- Дядя Ефим! Из какой позиции будешь стрелять?

- Из любой!

Он вставил патрон в патронник и стоя, с правого плеча, прицеливаясь левым глазом, нажал курок. «Мишень» рассыпалась на мелкие осколки. Парни переглянулись. Кто-то запальчиво сказал:

- Это случайность!

Установили ещё несколько «мишеней», выдали патроны. Отец и здесь ни разу не промахнулся.

- Это мастерство! - прозвучал тот же голос. - Чувствуется фронтовая выучка!

Таким отец был всегда. То, что он умел, он всегда выполнял на высоком уровне: накосить ли сено, вспахать ли огород, смастерить ли табуретку, наточить ли пилу, сплести ли рыболовную сеть - всё он выполнял на «отлично». Но никогда не брался выполнять то, чего не умел.

Ему было уже далеко за семьдесят, а он, пенсионер по инвалидности, продолжал работать в совхозе. Управляющий старался подыскать ему работу, не связанную с физической нагрузкой, но он сопротивлялся и говорил:

- Вот когда не смогу - уйду на отдых. А пока - могу!

А война жила в нём. И это особенно проявлялось в великий праздник - День Победы, который отмечали все люди нашей страны. Повсюду проводились грустно-торжественные мероприятия:

... митинг у монумента,

Память павшим в боях, награжденья живых,

Гром оркестров, и речи, и аплодисменты,

И походная кухня, и сто грамм фронтовых.

И сидели они, пели, плакали, пили,

Говорили, скорбя о погибших друзьях...

А к закату отца чуть живым приводили,

И он падал в кровать, в пиджаке, в орденах.

А когда засыпал - порывался в атаку,

Как в далёкие, страшные годы привык.

Ну а мама над ним принималась то плакать,

То молиться, как встарь, чтоб остался в живых.

На рассвете десятого он просыпался

И, умом и нутром понимая вину,

Говорил еле слышно: «Ты, мать, не ругайся.

В эту ночь я опять уходил на войну!»

И опять целый год, перерывов не зная,

Весь в трудах и заботах, Сизифу под стать,

Мой отец доживал до Девятого Мая

И опять на всю ночь уходил воевать!

Окончательно на отдых он ушёл после восьмидесяти лет.

Ушёл из жизни на 92-м году. За два года до его кончины в нашей деревне случился небывалый пожар: сгорело несколько домов, в том числе и отцовский. Единственное, что успели спасти, - это отцовский пиджак с наградами. К сожалению, сгорели фотографии военных лет.

За лето мы отстроили усадьбу, но это событие сильно подкосило отца. Возможно, ускорило его кончину.

Мы гордимся нашим отцом. А в прошлом, 2014 году на сайте Министерства обороны «Подвиг народа» мы обнаружили сообщение о награждении нашего отца медалью «За отвагу», которую он не получил при жизни в связи с тяжёлым ранением и долговременным лечением. Поистине, никто не забыт, и ничто не забыто...